

Сергей СКУРАТОВСКИЙ

НАПРЯМУЮ

Когда все грозы эти прогремят,
Впитает тишину дорога,
Ты снова ступишь в этот сад,
Где вишни принимают форму Бога.

Теряя навык речи и письма,
Ты будешь петь, и песни твои правы.
И травы осени, очнувшись ото сна,
Растут и вьются сквозь лады гитары.

Тогда во мне затихнут поезда,
Я тоже стану нем и невесом.
Мои стихи сидят на ветках птицей.
Наш сон продолжится и прекратит быть сном,
И Тот, кто нас пустил сюда,
К нам напрямую сможет обратиться.

Когда из душного города сбегашь в туманный лес,
Где комары под вечер уносят детей живьем,
Кажется, что ты тоже – забыт, унесен, исчез,
Притворился улиткой, мышкой, стенающим журавлем.

Лесник на краю географии услышит твой скорбный крик,
Поднимет пивас, ослабится: «Да, братюнь, это дно.
Не парься, лети, куда следует, я здесь уже привык».
Уйдет в сторожку доигрывать сам с собою в двадцать одно.

А в городе все спокойно – ковидная пастораль.
Летит тополиный пух и дети его не жгут.
В башке у бывшего школьника щелкнет тугая спираль.
Соберется в школу, пойдет. В школе его не ждут.

Рассвет – зашифрованный Дух Святой – оранжевые лучи
Согреет все, что сможет согреться, но ярок для здешних мест.
Заорешь: «Какого лешего, Отче? Что ты молчишь, не молчи!»
Тишина за плечами болит сильнее и превращается в крест.

Ты вернешься к себе домой, и будет рабочий день.
Будет пища, будет работа, и после работы – вино.
А старый лесник продолжает играть – и как ведь ему не лень –
И все выпадает Лето Господне – две тысячи двадцать одно.

Эта печаль проста, предельно проста:
Себя не учил наизусть, а читал с листа.
Теперь в моем доме зима, снежные простыни,
Все дети ушли, уснули, остались взрослые.
Ни крыши, ни стен, под ногами грязное месиво.
Мерзнут, ежатся, делают вид, что весело,
Потом тихонько, избрав благовидный предлог,
Выскальзывают за порог.
Вокруг не море, не пляж, не майами-ницца,
А лес индевельый, кормилец, детоубийца.
Чудеса свои скорбные он подарит тому,
Кто умеет падать снежинкой, вкручиваться во тьму.
Чтобы согреться, не хватит костра и меха,
Мне диктует меня мое охрипшее эхо:
Помнишь, как бабушка фотки называла чудно – «фотоснимки»,
А ты, лежа в маминой спальне, на протертом ковре,
Считал парящие в воздухе солнечные пылинки,
Не удивляясь солнцу, живущему в декабре?..
Слова замерзают, как в сказке, вылетев из груди.
Так легче запомнить. Выучишь – приходи.

Это детское зрение – трава на уровне глаз –
Я растерял: прощайте, жучки-таракашки.
Я теперь далеко. И тело – не тело, каркас,
Еще почему-то нуждающийся в рубашке.

Какой взрослый навык – уметь смотреть в зеркала,
Копить под зрачком рвотную зелень болота,
Тренировать по вечерам с другого конца стола
Удушливо-черный, жаркий взгляд Иуды Искариота.

Вот так ахеец, увидевший остов сгоревшего корабля,
Должен эту чужую кровавую землю считать и могилой и родиной.
И прорастает под языком взрослое слово «тля».
Смотрите-ка, тля сидит на листьях чёрной смородины.

мир открывается в верхней точке полета
если ты во дворе в рваных шортах в детстве
песок на зубах качели капельки пота
являются средством
хорошим лекарственным средством

Когда ты – землеройка, как представить масштаб
Трактора, осенью изменяющего ландшафт?
Клен тянет руки, с шумом падая навзничь,
Листьями прикрывая избитую землю на ночь.
Так же, ковшом, моя память меняет меня:
Как случайную землеройку, пробуждая и хороня.

Говорят, у мышей есть примета: если съел асфодель,
У тебя остается путь, но ты забываешь цель.

Мы считаем ад подземным, ведь свойство земли – верность.
Они – суслики-кроты-полевки – считают адом поверхность,
Где яд и клетки, горячий асфальт летом, зимой – соленая корка,
Круглогодично – колеса, копыта коней.
А рай – это дом, темнота родительской норки
Меж мокрых и вкусных благословенных корней.
Здесь, на поверхности, смерть – часть жизни, коль остываешь, остынь,
А там, под землей, частью жизни питит, безволосая, другая жизнь.
Очень похожа на бессмертие этакая жизнь-вновь.
Вот нехитрая эсхатология грызунов.

Трактор затих. Мы сидим с землеройкой, два глотка тишины.
Усталое междуречье, мысли текут, как сны,
Что память измерить просто: смертями, детьми, трудом,
Что сейчас отряхнемся, пойдем строить каждый свой дом,
На днях прилетал, чирикал один из крылатых ребят:
Они там тоже строят что-то, вертоград, говорят.